

Образы империи в российской политике

Научный руководитель – Телин Кирилл Олегович

Сурганова Ангелина Владимировна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Кафедра государственной политики, Москва, Россия

E-mail: surganova.angelina@gmail.com

Какой бы актуальным и значимым ни являлся объект политического исследования, важным аспектом последнего является временная и контекстуальная корректность используемого категориально-понятийного аппарата. Для того, чтобы научная работа соответствовала требованиям историзма и приводила к валидным и достоверным результатам, важно крайне осторожно обращаться с распространенными выражениями, кажущимися априорно понятными и при том не всегда оцениваемыми с точки зрения их действительного содержания.

Одной из весьма неоднозначных лексем, к которым исследователи подчас обращаются без должной рефлексии и концептуализации, является «империя». Современный политический дискурс оперирует образом империи в рамках не столько теоретической, сколько нравственной дихотомии «добра» и «зла», нередко попросту игнорируя необходимость определения «империи» и эмпирических изысканий того, как именно используется «империя» в том или ином политическом дискурсе. К примеру, в современной России «империя» то оказывается объектом ностальгии и создания псевдомифического «золотого века» («страны, которую мы потеряли»), то превращается в одиозный идеологизированный образ, используемый как внутри страны, так и за ее пределами («империя зла», «тюрьма народов») [4; 8].

Несмотря на более чем солидное разнообразие определений и трактовок «империи» даже в отечественной политической мысли, следует выделить следующие ключевые позиции:

1) «империя», как правило, связана с представлением об определенной «исторической миссии» или уникальном «предназначении», подчеркивающим необходимость вхождения (включения) тех или иных территорий в имперское пространство и даже потенциально универсалистские амбиции империи [4];

2) «империя» подразумевает необязательность добровольного согласия объекта для вхождения (включения) в имперское пространство – в том случае, если описанная в предшествующем пункте имперская идея не обеспечивает ассимиляции территории, она может быть покорена силовым путем [4];

3) «империя» предусматривает сохранение асимметричности центр-периферийных отношений и сложной культурной палитры подчиненных территорий – при одновременном политическом их подчинении и ограничении экономической автономии [3];

4) распространенным признаком «империи» является масштабность, отражаемая как в территориальной грандиозности и ресурсном многообразии, так и в хронологической протяженности исторического существования такой государственности [4].

Для российского политического дискурса также присуща неоднозначность отношения к «империи», однако для обозначения хронологической последовательности отечественных трактовок следует указать стержневую дефиницию, в исторической ретроспективе слабо изменявшуюся. С опорой на приведенные ранее признаки империю можно определить как суперэтническую государственность, монолитность разнокачественного состава

которой основывается на зависимости и подвластности региональной периферии от гегемонистских устремлений центра, обусловленных масштабной идеей о миссии или предназначении и реализуемых как дипломатическими, так и военными средствами [4; 9].

В соответствии с вышеизложенным определением, логикой хронологического порядка и уникальностью российской истории, выстраивание образа империи, целесообразно начать с её предтечи. Нижней границе «протоимперии» соответствует период образования единого государства, когда актуализируется мессианская идея преемственности наследия Византии, обозначенная в формуле «Москва – третий Рим». Важно отметить, что перенимается не только идея религиозного родства и связанная с этим ответственность России за сохранение православных государств и, в целом, религии от посягательств Запада, но и обретение статусно-значимых атрибутов власти, закрепляющих качественно новое положение власти на международной арене и во внутривластном пространстве [1]. Однако данный этап только предваряет образование полноценной империи.

Первое свое формальное воплощение образ «империи» находит в петровскую эпоху, приходя на смену её православному царству, что связано не столько с официальным признанием государя «императором» и словесным обозначением «империи» в документах, (ведь православный русский титул «царь» был заменён Петром I «на западный того же достоинства») [6], сколько в разрыве симбиотической связи «церковь-монарх». Произшедшая секуляризация российского общества поставила Русскую Православную Церковь в зависимое положение – она стала частью государственной бюрократической системы, не имея возможности артикулировать и осуществлять свои интересы в политическом измерении [10]. Отход от объединяющей роли церкви сопровождался идеологическим обоснованием примата государственной власти посредством создания официальных концепций, навязываемых обществу на правах государственного императива. В качестве примера приведём «уваровскую триаду» – «Самодержавие. Православие. Народность», ставшую неотъемлемым элементом российской идеологии и способствовавшей консолидации имперской России наравне с пришедшими ей на смену концепциями [1].

Важным элементом исторических дискуссий остается обсуждение того, являлся ли «империей» Советский Союз – при том, что такая позиция регулярно встречает сопротивление ряда специалистов, те же специалисты могут вполне комплиментарно отзываться о концепции Терри Мартина, обозначавшего СССР как «империю позитивного действия» (affirmative action empire) [5; 7].

Современное российское государство невозможно рассматривать в отрыве от опыта, приобретённого государственными образованиями, расположенными в границах «Исторической России» и на постсоветском пространстве [1]. Являясь правопреемницей СССР, сохраняя историческую память о достижениях государственного опыта прошлого, Российская Федерация, безусловно, наследует атрибутивную, духовную и политическую связь с прошлым, конструирующую её уникальную общественную организацию в настоящие дни [2].

Источники и литература

- 1) Елишев С. О. Имперская государственность как основа успешного национального развития России. Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, Том 29. № 2. С 31-66
- 2) Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – ст. 67.1
- 3) Малинова О.Ю. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеология "империи" / Политическая наука: Формирование государства и нации в совре-

менном мире: Сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН ; ред. и сост. А.И.Миллер. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – С. 31-58.

- 4) Марченя П.П. Концепт империи как предмет мультидисциплинарного исследования / *Философские исследования и современность*: вып. 2, 2013. С. 119
- 5) Марченя П. П. Империя, партии и массы в системе взаимодействия власти и общества в России // *История СССР/РФ в контексте современного россиеведения*. М., 2011. С. 211—233
- 6) Махнач В.Л. Империи в мировой истории // Махнач В.Л. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 162
- 7) Миллер А. И. «Советское наследие «империи положительного действия» / *Политическая наука*, №3, 2004, с 57-69.
- 8) Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации. – *Полис. Политические исследования*. 2018. №4. С. 22-36
- 9) Доминик Ливен. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.
- 10) Andreas Kappeler. Russland als Vielvoerkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall . Verlag C.H. Beck, Muenchen 1992., с 119 – 120.